

Эта проблема особенно актуальна на региональном уровне. В-четвертых, ГЧП в России не является равноправным партнерством, государство проявляет себя либо как доминирующий актер, принуждающий бизнес к участию на невыгодных для бизнеса условиях, либо как спонсор, который обеспечивает поступление финансовых ресурсов в аффилированные частные компании.

Поэтому вопрос: «Чем является ГЧП в современной России – игрой со взаимным выигрышем или игрой с нулевой суммой?» – остается риторическим.

Список литературы

Расторгуев С.В. 2015. *Взаимоотношения политической власти и бизнеса в современной России: модели и тенденции достижения баланса*: дис. ... д.полит.н. М. 590 с.

RASTORGUEV Sergey Viktorovich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of General Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradskij Ave, Moscow, Russia, 125993; Rastorguev@fa.ru)

KHALIZOVA Valeriya Dmitrievna, M.A., Faculty of Sociology and Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradskij Ave, Moscow, Russia, 125993; lera_khalizova@mail.ru)

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN MODERN RUSSIA: WIN-WIN OR ZERO-SUM GAME?

Abstract. The article gives a political and economic analysis of the new federal law on public-private partnership. The experience of public-private partnership projects implementation in the regions of Russia is analyzed. The authors also present results of their research of the methodology of rating and conceptualizing relations between the state and business.

Keywords: public-private partnership, government, business, ranking

---

ТЯН Валентин Васильевич – к.и.н., доцент кафедры рекламы, теории и практики связей с общественностью Института экономики и культуры (105318, Россия, г. Москва, ул. Ибрагимова, 31, корп. 1; tian39@mail.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОПОЛИТИКИ ВЛАСТИ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ФОРМЫ, ТРЕНДЫ, ДИНАМИКА

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы развития этнополитики власти стран постсоветского пространства. Декларируется приверженность к европейским стандартам и склонность к традиционным подходам в решении этнополитических проблем. Осуществляется поиск путей преодоления статусного дисбаланса в многонациональном обществе. Автор отмечает, что амбициозность новой титульной нации – фактор усугубления этнополитической ситуации в стране, способствующий фрагментации ответственности власти за снижение уровня межэтнической напряженности и миграционное поведение некоренных этносов. Трансформация этнополитики свидетельствует об укреплении принципов гуманизма в противостоянии с охранительным национализмом.

Ключевые слова: трансформация, этнополитика, власть, постсоветский, межэтнический, национализм

Собретением независимости бывшие союзные республики столкнулись с рядом неотложных проблем, в т.ч. этнополитических. В союзных республиках (кроме РСФСР) на момент распада СССР проживала почти половина населения страны, и четверть населения республик составляли некоренные народы и национальные

меньшинства. Следует также отметить миграционные процессы, которые меняют демографическую ситуацию в этих странах. Общая численность населения стран на постсоветском пространстве (без учета населения РФ) на 1 января 2015 г. составила 146 млн чел., из них 40 млн чел. составляют национальные меньшинства (в т.ч. 20 млн русских). Их судьба во многом зависит от этнополитики власти этих стран.

Стремительное обретение независимости способствовало реанимации во властных кругах известного этнополитического императива: предоставление преференций титульной нации. Политический эгоизм титульной нации проявился в полной мере в процессе формирования институтов государства. Почти во всех бывших союзных республиках не удалось избежать форсированного закрепления статуса титульной нации, в то время как статус национальных меньшинств не был определен, и статусный баланс не был достигнут. Освободившись от бремени двоевластия, титульная нация, получив статус государствообразующей, субъекта этнополитики, в момент, когда национальные меньшинства, некоренные этносы столкнулись с правовой незащищенностью, не была готова к принятию научно обоснованных этнополитических решений. (Это не относится к тогдашней власти РБ, принявшей в 1992 г. закон «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь»¹.)

Отрадно, что позитивный тренд этнополитики белорусской власти сохранился, тем более что после распада СССР «в условиях переходного общества во многих странах обострились межэтнические отношения, усилились процессы консолидации этнических групп» [Макрушич 2008].

Эти процессы в Беларуси происходили в цивилизационном дискурсе. Белорусские эксперты считают, что Республика Беларусь является одной из немногих республик бывшего СССР, в которой не было зафиксировано ни одного межнационального или межконфессионального конфликта. Действительно, витрина этнополитики власти РБ выглядит по-европейски (законодательство). Но контроль за руководителями этнических общин напоминает советскую практику.

Известно, что во многих республиках происходит корректировка статуса национальных меньшинств с целью установления статусного баланса в стране. В Республике Беларусь русским придали статус национального меньшинства при 10% общей численности населения республики. Но они же совместно с белорусами (титульная нация) и евреями являются коренными народами РБ.

С обретением суверенитета власть стремилась укрепить статус титульной нации. Нарушался статусный баланс в обществе. Межэтнические отношения становились все более напряженными. Латышские, литовские, эстонские власти разделяли опасения титульной нации о возможности ее «растворения» среди других этносов и потери идентичности. Да и состав некоренного населения был показательным: некоренное население состояло из двух категорий: а) потомков подданных Российской империи; б) русскоязычных жителей, населивших страну после ее вхождения в состав СССР. Наряду с введением государственного языка власти этих стран в непубличной форме реанимировали этнополитические ограничители (по национальным признакам), применявшиеся в Италии, Германии в 1920–30-х гг., в СССР – в течение всего периода его существования.

К чести власти Казахстана (президент республики Н.А. Назарбаев) надо заметить, что принципом своей этнополитики она объявила полиэтнизм и приверженность к евразийству. В этой стране в настоящее время проживают около 18 млн чел., 53% – казахи). Конечно, численность национальных меньшинств (47%), соотношение численности титульной нации и общей численности некоренных этносов повлияли на характер и динамику этнополитического процесса. Происходила фрагментация ответственности власти за межэтнические столкновения, зачинщиками которых были некоренные этносы. Политический эгоизм титульной нации предопределил особенности этих столкновений: их остроту, неадекватную реакцию на замечания, причем когнитивный диссонанс испытывали обе стороны.

Но этнополитическая ситуация в Казахстане, сложившаяся в ходе реализации

¹ Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» от 11.11.1992 № 1926-ХІІ. Доступ: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/zakb1368.htm> (проверено 24.08.2015).

программы на принципах полиэтнизма, была несколько иной, чем в Беларуси. Была сформирована модель этнополитики, которую Н. Мустафаев называет «казахстанским вариантом политики этнического многообразия». «Казахстанская модель национальной политики обусловлена полиэтничным составом населения. В мировой практике полиэтничными считаются государства, имеющие более 5% иноэтничного населения». Далее Н. Мустафаев констатирует: «РЕСУРСЫ: Казахи. 1. Государственность Республики Казахстан, статус титульной нации. 2. Властный ресурс. Широкая представленность во всех ветвях власти и силовых структурах.

Русские. 1. Геополитический вес России...» [Мустафаев 2003].

Таким образом, казахи являются обладателями властного ресурса, что называется, по праву. Титульной нации, если только она является субъектом этнополитического процесса, трудно сохранить статус-кво (социальное неравенство), поскольку в этом случае игнорируется принцип справедливости.

Как и в других азиатских постсоветских республиках, в Казахстане ограничение возможности для представителей других народов войти во властные структуры имеет слабую мотивацию – «почвенничество». Казахстанская модель этнополитики – директивная, этносы, живущие в республике издавна, не могут привыкнуть к местному шовинизму.

«Больше всего межэтнических конфликтов в Центральной Азии за последние годы имело место в экономически наиболее успешном государстве региона – Казахстане, который, как и Россия, испытывает сильное демографическое воздействие иноэтничных по составу миграционных потоков» [Шустов 2008]. Кажущееся благополучие «некоренных» владельцев кафе и дорогих автомашин, «ногой открывающих двери высоких кабинетов» (но хозяева кабинетов – титульные!), задевает национальные чувства представителей титульной нации, как показали межэтнические конфликты 2006–2007 гг. в Казахстане (столкновения между казахами и уйгурами – потомками тех, кто не переселился в Восточный Туркестан). Смысл противоречий между казахами и уйгурами свелся к следующему: «Государство ваше, а земля наша» [Шустов 2008]. Как в конфликте, так во всех 12 межэтнических конфликтах, о которых сообщалось в казахстанских СМИ, зачинщиками были люди не казахской национальности. Статусные преференции в европейском правосознании сталкивались с азиатскими традициями гостеприимства. Сложившаяся ситуация не устраивала обе стороны.

«В целом присутствие в Казахстане “восточных” этнических общностей имеет тенденцию к превращению в мощный конфликтогенный фактор» [Шустов 2008].

Более того, неоднородность общества тревожит местных социологов. Р. Жангазы вполне откровенен: «В то же время в *долгосрочной перспективе сохраняются фундаментальные этнополитические риски*, определяющиеся, прежде всего, неоднородностью демографического состава населения РК» [Жангазы 2012].

Следует отметить, что для минимизации этнополитических рисков некоторые местные социологи и политики нашли «рецепты»: а) наращивание властных ресурсов титульной нации, б) формирование миграционного поведения среди некоренных жителей – бывших граждан СССР.

Необходимо отметить, что на стадии становления государственности в качестве ориентиров необходимы европейские институты. Открытие в Астане Евразийского университета – шаг в этом направлении.

В соседнем Кыргызстане (около 5,8 млн чел., 76% – киргизы) также начались демократические преобразования. Анализируя этнополитику первых годов независимости Кыргызской Республики, Ж. Жоробеков отмечает: «Так, о первых шагах Президента страны А.А.Акаева: официальные и неформального характера мероприятия и действия реально содействовали достижению общенационального согласия в межэтнических взаимоотношениях в нашем полиэтничном государстве и социально расслоенном обществе» [Жоробеков 1998].

В дальнейшем власти Кыргызстана в рамках евразийства находили основополагающие и паллиативные этнополитические решения: придание русскому языку статуса государственного, разрешение телевидения на узбекском языке для узбекской диаспоры г. Оша, назначение на должности министров представителей наци-

ональных меньшинств (корейцев, украинцев) и т.д. снимали напряжение в обществе. Тем не менее в республике не удалось избежать резонансных межэтнических конфликтов. Известно, что в период политического кризиса возникают события, которые могут дестабилизировать ситуацию. Поэтому столкновение узбеков и киргизов летом 2010 г. было не случайным. «В прошлые месяцы И. Каримов инициировал борьбу с олигархами Узбекистана. В результате этого множество узбекских бизнесменов вывозили миллионы долларов наличными на юг Кыргызстана. Все это создавало условия к появлению своеобразной политической инициативы у оппозиционно настроенных узбеков»¹. Узбекские власти, вопреки ожиданиям, не встали на защиту свои соотечественников.

В Узбекистане государственный язык – узбекский, ведется политика отказа от билингвизма (некоренное население составляет 12 млн чел. – 40% общей численности населения).

Как уже отмечалось, несколько иная картина складывается в ареале евразийства и азийства. Несмотря на декларирование приоритетности демократического развития общества, национальные меньшинства отлучены от участия в решении этнополитических проблем.

В лоне азийства осуществляется альтернативная модель этнополитики в Узбекистане. Как отмечают А.С. Уманский и А.В. Арапов, «азиатская уникальность предполагает ограниченную способность любой европейской страны, подчас даже евразийской России, адекватно воспринимать сущность происходящего в азиатской стране. На самом деле – скрытое, неявное переплетение духовных взаимосвязей, интересов, кланов в любой стране Азии (от Турции до Японии) многократно вводило в заблуждение, ставило в тупик крупнейших мыслителей и политиков Запада» [Уманский, Арапов 1994]. Пока этнополитические решения этой страны сложны для восприятия на Западе. В республике отношение к этому неоднозначное.

«Управление республики делало все вероятное, чтоб облегчить социальное положение людей, предоставив социальную защиту всему народу, не разделяя его на “своих” и “чужих”. Все же вопрос государственной и публичной самоидентификации по-разному стоял перед представителями разных этнических меньшинств. Актуальной представлялась неувязка, связанная с новым статусом и перспективами развития этнического меньшинства, т.е. решением вопроса о продолжении собственного функционирования на местности проживания либо сосредоточении сил на возвращении на историческую родину» [Иноякова 2014]. Примечательно, что допускается вариант возвращения на историческую родину, т.е. фактически легализуется гостевой статус национальных меньшинств, несколько веков проживающих в Узбекистане (турки-месхетинцы помнят об их насильственном «возвращении», т.е. изгнании из Узбекской республики накануне распада СССР).

В соседнем Таджикистане (свыше 8 млн чел., 81% – таджики), где в декабре 1990 г. прокатилась волна насилия по отношению к русскоязычному населению, конфликт во властной элите (при явной «национализации» государственных структур) сопровождался оттоком русскоязычного населения. Миграция не ослабевает.

С. Олимова в 1996 г. по результатам своего исследования сделала вывод о возможности «осуществления по крайней мере трех сценариев будущего: 1) оптимистического, при котором будет достигнут консенсус между субэтнотами таджиков при том, что будут соблюдаться права национальных<...>; 2) наиболее вероятного, при котором в Таджикистане сформируется находящаяся в динамическом равновесии “пирамида” из достаточно замкнуто существующих этносов и субэтносов; 3) пессимистического, при котором... будут наблюдаться напряжения между этносами и субэтнотами» [Олимова 1997]. Формирование гибридно-пирамидальной модели полиэтничного общества происходит в традициях азийства и становится неприемлемым для некоторых этносов из-за цивилизационных противоречий. Ангажированная этнополитика власти мотивирует миграцию этнонаселения.

¹ Киргизия 2010. г. Ош – войска в городе. Доступ: <http://tubethe.com/watch/Bx-IGL-0HUK/kirgiziya-20100613-g-osh-vojska-v-gorode.html> (проверено 24.08.2015).

Используя современную терминологию, можно сказать, что в Таджикистане складывается центральноазиатский тип социокультурного развития.

Оберегая статус титульной нации, власти РТ приняли ряд мер по снятию межэтнической напряженности. Принят закон о двойном гражданстве. Открыты этнические школы, Таджико-славянский университет. Складывается мозаичная картина этнополитического процесса в этой центральноазиатской стране. Оказывает свое влияние и социокультурный фактор. Но концепция доминирования титульной нации во всех сферах общественной жизни является одной из причин миграции этнонаселения. В Таджикистане государственный язык – таджикский. Однако с подписанием Таджикистаном договора с ОБСЕ власть обязуется гарантировать всем гражданам их права и свободы.

Пример взаимодействия этой центральноазиатской страны с Европейским союзом свидетельствует о глобализации цивилизационных процессов, что вселяет в людей надежду на диалог с властью.

Как утверждает З.М. Мадамиджанова, «умеренное и толерантное исламское мышление, уважающее светские принципы конституций, представляют отличительную черту стран Центральной Азии». Далее она поясняет: «Во-первых, идет процесс переосмысления формы национальной идентичности». Этнизм со становлением власти в республике принимает форму охранительного национализма. Таджикская культура, сохраняя свою близость с иранской, остается в лоне азийства [Мадамиджанова 2012].

Трудно проследить позитивный тренд в этнополитике Туркменистана (5,6 млн чел. на момент распада СССР, с момента обретения независимости его элита проводила политику туркменизации страны). Как отмечает Ш.Х. Кадыров, «на стадии развития племени как политической организации (союзы племен), когда в состав племени входят инородные группы, возникает деление племен на “своих” и чужих» [Кадыров 2004]. Почти 10% граждан (национальные меньшинства) с введением государственного языка (туркменский) и увольнением с работы были вынуждены покинуть страну. Нефтедоллары покрыли экономический кризис, в республике заговорили о золотом веке, но, выходит, не для всех этносов, проживающих в республике. «В силу исторических и геополитических условий Туркмения находится на стыке трех цивилизаций – тюркско-исламской, иранско-исламской, славяно-православной. Это обуславливает одновременно геополитическую уязвимость страны и ряд преимуществ. Главная проблема в том, что такая цивилизация станет более привлекательной политически и экономически. Туркмения участвует в организации тюркских государств, возглавляемых Турцией, получила немалые турецкие инвестиции. Однако в отношениях с тюркскими странами она имеет ряд серьезных проблем. Радикальный секуляризм и проатлантизм Турции неодобрительно рассматривается, соответственно, и в Тегеране, и в Москве, что чревато натянутостью отношений с этими державами. И наконец, политическое и экономическое ослабление России обуславливает поиск других стратегических партнеров [например, Иран], хотя и в Туркмении предпочитают более секуляристскую модель развития» [Галиев 2010].

В общественном сознании историческая память приходит на помощь национальной гордости. Государство туркмен достигало расцвета и могущества. Иранское государство, монголы (Чингисхан), а в XIX в. – Российская империя поставили под вопрос суверенитет государства. До сих пор у части туркмен они составляют образы их врагов [Галиев 2010]. В первые годы независимости отток русскоязычного населения был значительным. В Чеботарева в 1996 г. отмечала: «Оценивая перспективы развития Туркменистана на ближайшие десятилетия, можно прогнозировать усиление межплеменных противоречий, уходящих корнями в далекое средневековье. Помимо исторических традиций соперничества племенных вождей, на сознание современных туркмен негативное воздействие оказывает неравноправие в распределении национальных богатств: газовые месторождения находятся на территории одних племен, а фантастические дивиденды от продажи этого вида сырья получают представители других» [Чеботарева 1997]. Явственна трансформация этнополитики власти в тренде азийства. Внутриполитическая ситуация, связанная с разгоревши-

мися конфликтами в Азербайджане (около 9,8 млн. чел., 91% – азербайджанцы), а также в Грузии (3,8 млн. чел., 83% – грузины), Молдове (свыше 2,9 млн. чел., 75% – молдаване) подталкивала власти к более явному проявлению национально выраженного тренда этнополитики.

В такой ситуации власти пришлось разрабатывать, что называется, эксклюзивную этнополитику. В Грузии и Молдове с их европейской ориентацией во внешней политике она была по сути минимперской, отвергающей федеративное устройство государства. Ошибки этнополитики власти этих стран привели к тому, что Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье стали субъектами геополитики. Еще в советское время одна закавказская республика – Армения (около 4 млн чел., 91% – армяне), выражала несогласие с этнополитикой другой – Азербайджана, настаивая на выходе Нагорного Карабаха из состава Азербайджана. Опасения нарастания динамики этнополитического конфликта оправдались: с распадом СССР он стал межгосударственным.

В свое время союзная власть оказалась неспособной не только предотвратить, но и разрешать острые этнополитические проблемы, что приближало час ее агонии.

Как и следовало ожидать, с обретением независимости в Азербайджане произошли заметные трансформации в этнополитической сфере, на что обращают внимание Л.Г. Мелик-Шахназарян, А.Х. Хачатрян и др. И. Нифталиев утверждает: «Чтобы вернуть подобие советской “видимости всеобщего благоденствия” в этнонациональной сфере, власти режима решили по-ленински сделать два шага назад. Они инициировали изменение названия тюркского языка опять на азербайджанский» [Нифталиев 2014]. Трайбализм, а также азербайджанизация полиэтнического общества усугубила нагорно-карабахскую проблему, проблему идентификации талышей и т.д. Титульные азиатские народы, а также азербайджанцы – разделенные народы, и возникновение этнополитических коллизий гипотетически не исключено.

В Грузии с приходом к власти З. Гамсахурдия обострился грузино-абхазский конфликт. Э.А. Шеварнадзе удалось несколько снизить интенсивность этих конфликтов. По мнению некоторых исследователей, Михаил Саакашвили был намерен решить эту проблему, усилить борьбу с салафитами. Так, был создан своего рода центр борьбы.

Успокоив мусульманскую часть населения, новая власть повела наступательную этнополитику. Ей удалось вернуть Аджарию в поле грузинской юрисдикции, но с Абхазией и Южной Осетией наладить диалог не удавалось. Геополитические интересы России вступили в противоречие со стремлением новой грузинской власти к НАТО. И тогда амбициозный президент Грузии сменил демократический способ решения этнополитической проблемы на традиционный. Это заставило Россию принудить Грузию к миру (события августа 2008 г.). Итогом имперской политики Грузии стал выход Абхазии и Южной Осетии из ее состава (Россия оказала им поддержку в рамках международного права). Ряд экспертов считают (например, И. Мигранян и др.), что, находясь в обязывающих отношениях с западным сообществом и декларируя демократические принципы во внутренней политике, Грузия не может игнорировать функционирование институций, связанных с формированием этнополитики.

Не менее остро, чем в других многонациональных государствах постсоветского пространства, проблема национальной идентичности приходит в столкновение с проблемой этнополитики в Республике Молдова. Так, А.В. Дикун пишет: «Раскрывается специфика этнополитической ситуации в республике, которая проявлялась в наличии двух противоположных общественно-политических тенденций внутри “доминирующего” молдавского этноса: “молдавеністи”, которые выступают за возрождение национальной культуры и традиций, и “румуністи”, которые ратуют за присоединение Молдовы к Румынии» [Дикун 2005].

По мнению многих экспертов, Молдова допустила ряд ошибок в этнополитических проектах, не оценила внешнеполитическую ситуацию и фактически потеряла контроль над Приднестровьем. Но в последние годы этнополитическая ситуация в республике несколько стабилизировалась. Процессу определенной нормализа-

ции межэтнических отношений способствовало создание специальных государственных институтов: Департамента национальных отношений и функционирования языков (ныне – Департамент межэтнических отношений), Института межэтнических исследований при Академии наук Молдовы, а также принятие таких важных документов, как законы «О функционировании языков на территории МССР», «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций», и др. Нынешняя власть Молдовы гарантирует соблюдение прав национальных меньшинств (гагаузы и др.).

Заметные трансформации этнополитики произошли в малых странах Балтии. Здесь этнополитика власти приобретает неустойчивые формы. Более четко определен правовой статус национального меньшинства (вид на жительство, натурализация, обретение гражданства и т.п.). Они могут заниматься политической деятельностью, в парламентах и правительственных структурах этих республик представители нацменьшинств занимают заметные позиции. Однако здесь происходит вытеснение русского языка, как и в других республиках – нейтральных и проевропейской ориентации. Возвращение этих стран к историческим истокам усугубляет нормализацию европейских стандартов в статусных параметрах национальных меньшинств. Введение государственного языка, натурализация лиц некоренной национальности и усилия по вступлению в новый союз мотивировались необходимостью защиты суверенитета национального государства. Вот что пишет П.В. Гордиенко: «Малые страны Прибалтийского региона, <...> отказавшись от прежней [советской] системы ценностей, поспешили интегрироваться в другое крупное сообщество (Европейский союз), заявив о предпочтительности для себя его ценностных категорий» [Гордиенко 2007: 5].

Если рассмотреть становление этнополитики малых стран Балтии, то отчетливо видно стремление власти придерживаться принципов гуманизма, законности и соблюдения прав человека в увязке с национальной безопасностью. Отрицательное отношение к пребыванию страны в составе СССР переносится на русскоязычное население, что вызывает у него недовольство. И все же этнополитическая ситуация в странах Балтии при очевидном позитивном тренде неоднозначна. Национальные меньшинства участвуют в политической жизни. Но немало жалоб в связи с натурализацией, которые рассматриваются национальными и европейскими инстанциями.

Так, автор теории культурно-исторических типов (вторая половина XIX в.) Н.Я. Данилевский подчеркивает: «Европа есть романо-германская цивилизация» [Данилевский 1991: 74]. Возвращение к европейским истокам развития стран Балтии новые власти рассматривали на первых порах как разрыв исторических связей с Россией, с советской этнополитической системой, генетически связанной с российской цивилизацией. А на фоне глобализации, межцивилизационных противоречий и усложнения стратегии развития на пороге XXI в. наступившая «эра метаморфоз власти» [Тоффлер 2004] предопределила трансформацию этнополитики.

Влияние украинского кризиса на коррекцию этнополитики стран Балтии очевидно. Как это скажется на политических позициях русских в республике, сохранивших связи с исторической родиной, покажет будущее.

А.В. Сашинская утверждает: «Украина является полиэтническим государством, в котором должны органично сочетаться интересы всех национальных общностей, которые ее населяют. Межэтническое многообразие дополняется языковым, культурным и религиозно-конфессиональным. При этом национальные и языковые группы не всегда совпадают между собой». Далее она пишет: «...законодательство Украины в сфере защиты прав нацменьшинств Украины основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права и включает: Конституцию Украины, Закон Украины “О национальных меньшинствах Украины”, Закон Украины “О ратификации Рамочной Конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств”, Закон Украины “О ратификации Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств”» [Сашинская 2009].

В Украине геополитическая парадигма спровоцировала в конце 2013 г. искусственный этнополитический конфликт. Казалось, в полиэтническом обществе

было достигнуто согласие. Однако Н.П. Медведев считает, что «консенсус – не единогласие, ибо допускает нейтральные позиции... Предложенное понимание консенсуса применимо не только в межгосударственных отношениях, оно вполне доступно и при решении внутриполитических конфликтов» [Медведев 2014] и полагает, что возможности для достижения этнополитического консенсуса на юго-востоке Украины сохраняются.

Таким образом, в этнополитике власти стран постсоветского пространства наметился определенный прогресс в контексте модернизации общества.

Вопреки существовавшим ожиданиям, что национальные меньшинства новых государств обретут законные права и свободы в полном объеме, со смещением политического монизма в сторону политического этницизма их реальный статус понизился в связи с: а) сменой гражданства СССР (великая держава) на гражданство бывших (небольших) союзных республик; б) понижением статуса русского языка; в) ослаблением контроля над чиновниками, создающими для «некоренных» этносов все новые ограничители (Н. Мустафаев). Из-за новых «правил жизни» почти все республики не избежали межэтнических конфликтов, особенно в связи с тем, что миллионы титульных жителей в связи в экономической ситуацией в этих республиках находятся в многолетней трудовой миграции (в советской «метрополии»), подрывая экономику своей страны и стабильное будущее. Следовательно, экономика также является одним из факторов межэтнического конфликта. После установления политической независимости в большинстве республик не создана нормально функционирующая социально ориентированная экономическая система. Это стало фактором, сдерживающим реанимацию охранительного национализма на постсоветском пространстве. Этнополитический процесс не является изолированным. Украинский кризис вносит заметные коррективы в этнополитику бывших республик СССР.

Поскольку ангажированная этнополитика в период ее становления столкнулась с проблемами нормализации межэтнических отношений, являющейся приоритетом для института власти, то рассматривались и альтернативные модели. В целом трудности со сменой советской идентичности на новую страновую идентичность для национальных меньшинств усугубляют их положение. Добиться согласия в обществе – одна из главных задач политического менеджмента. Реанимация советской этнополитики (национальная идентификация, система ограничений), наделение статусными преференциями титульной нации осложняют задачи этнополитики власти стран, вступивших в современное политико-правовое пространство.

Следовательно, этнополитический менеджмент для людей титульной нации, обретших власть, во-первых, оказался серьезным испытанием на зрелость: титульная нация не должна решать проблемы за счет других наций. Во-вторых, поскольку мировое сообщество оказало молодым государствам содействие в их становлении, власть должна проводить мотивированную этнополитику, не должна ограничиваться запретами; ограничительные меры не должны нанести ущерб развитию личности.

Снижение напряженности в межэтнических отношениях (задача власти) возможно путем внесения корректировок в текущую этнополитику власти, включая: а) контроль за недопущением доминирования интересов титульной нации над общими интересами, преодоление статусного дисбаланса в полиэтничном обществе; б) законодательство в области национальных отношений, соответствующее современным требованиям; в) компенсационную основу ухудшения статусных позиций; г) правовую защиту национальных меньшинств; д) достижение статусного баланса в полиэтничном обществе как определяющего фактора в нормализации межэтнических отношений.

Трансформация этнополитики власти стран постсоветского пространства (от ангажированности до приближения к европейским моделям) свидетельствует об эволюции власти и этнической политики, показывает важные подвижки в утверждении принципов гуманизма в противостоянии страновой идентичности и политического эгоизма титульной нации в полиэтничном обществе.

Список литературы

Галиев А.А. 2010. Туркменистан: мифологизация истории и политика. Доступ: <http://articlekz.com/article/7685> (проверено 24.08.2015).

Гордиенко П.В. 2007. *Этнополитика на постсоветском пространстве: на примере Латвии*: автореф. дис. ...к.полит.н. М.: РАГС. 22 с.

Данилевский Н.Я. 1991. *Россия и Европа*. М.: Книга. 576 с.

Дикун А.В. 2005. *Динамика общественно-политического развития Республики Молдова в контексте этнополитического конфликта*: автореф. дис. ... к.полит.н. Одесса. Доступ: http://www.dissland.com/catalog_ukr/dinamika_obshestvennopoliticheskogo_razvitiya_respubliki_moldova_v_kontekste_yetnopoliticheskogo_konflikta_avtoreferat.html (проверено 24.08.2015).

Жангазы Р. 2012. О некоторых тенденциях развития этнополитической ситуации в Республике Казахстан. Доступ: <http://yuvision.kz/post/226812> (проверено 24.08.2015).

Жоробеков Ж. 1998. *Этнодемографические процессы и вопросы этнополитики Кыргызской Республики*: дис. ... д.полит.н.: Алматы. 293 с.

Иноякова Д.М. 2014. Становление и развитие этнополитики в современном Узбекистане. – *Исторические науки*. № 1. Доступ: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-etnopolitiki-v-sovremennom-uzbekistane> (проверено 24.08.2015).

Кадыров Ш.Х. 2004. *Становление и эволюция этнополитической организации у туркмен*: автореф. дис. ... д.и.н. М.: ИА РАН. 48 с. Доступ: <http://www.dslib.net/etnografia/stanovlenie-i-jevoljucija-jetnopoliticheskoy-organizacii-u-turkmen.html> (проверено 24.08.2015).

Мадамиджанова З.М. 2012. Вопросы этнополитики. Таджикистан. Доступ: <http://geopolitica.ru/article/voprosy-etnopolitiki#.VgKDSX0uUdU> (проверено 24.08.2015).

Макрушич Е.Н. 2008. *Этнокультурная политика в отношении национальных меньшинств в Республике Беларусь (1991–1994 гг.)*. Доступ: http://www.rusnauka.com/1_NIO_2008/Istoria/25438.doc.htm (проверено 24.08.2015).

Медведев Н.П. 2014. Этнополитический консенсус: к вопросу о конфликте на юго-востоке Украины. – *Вопросы национальных и федеративных отношений* № 1. С. 51–58. Доступ: http://www.souzpolitolog.ru/ru/medvedev_article.php (проверено 24.08.2015).

Мустафаев Н. 2003. Казахстанский вариант политики этнического многообразия. – *Казахстанская модель этнополитики: ресурсы и ограничители*. Доступ: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041974340> (проверено 24.08.2015).

Нифталиев И. 2014. Депортация. Последний азербайджанец покинул Армению в 1991 г. – *Каспий*. № 115/116/117/118/119. Доступ: <http://1905.az/ru/%D0%B4%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%86/> (проверено 24.08.2015).

Олимова С. 1997. Этнополитическая ситуация в Таджикистане и ее влияние на миграционное поведение. Доступ http://www.ca-c.org/journal/12-1997/st_05-olimova.shtml (проверено 24.08.2015).

Сашинская А.В. 2009. *Этнополитика в Украине и соответствие ее международным стандартам*. Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского. Доступ: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2009/Politologia/44124.doc.htm (проверено 24/08/2015).

Тоффлер Э. 2004. *Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на начало XXI века*. М.: АСТ. 672 с.

Уманский Я.С., Арапов А.В. 1994. *Диалоги об этнической политике: Узбекистан и Центральная Азия*. – Ташкент: ТГЮИ. Доступ: <http://www.alexarapov.narod.ru/article212.htm> (проверено 24.08.2015).

Чеботарева В. 1997. Туркменистан сегодня: этнополитическая ситуация. Доступ: <http://viperson.ru/articles/turkmenistan-segodnya-etnopoliticheskaya-situatsiya> (проверено 24.08.2015).

Шустов А. 2008. Межэтнические конфликты в Центральной Азии. ШОС и ситуа-

ция в Азии. Доступ: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/19870/> (проверено 24.08.2015).

TIAN Valentin Vasil'evich, Cand.Sci.(Hist.), Associate Professor of the Chair of Advertising and Theory and Practice of Public Relations, Institute of Economy and Culture (31, bld. 1, Ibragimova St, 105318 Moscow, Russia, 105318; tian39@mail.ru)

TRANSFORMATION OF THE ETHNIC POLICY OF AUTHORITIES IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: FORMS, TRENDS, AND DYNAMICS

Abstract: *The article deals with the problem of ethnic policy of authorities of the former Soviet area. The author declared commitment to European standards in traditional approaches to solving ethno-political problems. Authorities try to find ways to overcome the imbalance status in a multicultural society. The ambition of the titular nation becomes a factor exacerbating ethno-political situation in the country, and causing the fragmentation of responsibility of the authorities in reducing ethnic tensions and migratory behavior of non-indigenous ethnic groups. Transformation in the ethnic policy is an evidence of advances in strengthening the principles of humanism in opposition to the conservative nationalism.*

Keywords: *transformation, ethnic policy, power, post-Soviet, inter-ethnic, nationalism*

КИТАЕВ Сергей Викторович – к.полит.н., доцент кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (400131, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8; kitaevs@mail.ru)

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. *В статье определяются основы российской социальной политики на современном этапе. Особое внимание уделяется идее социальной справедливости. Посредством анализа эмпирических данных автор делает вывод, что настоящая категория должна быть фундаментом для осуществления любого масштабного социального проекта в России. Автор выражает тревогу по поводу сохранения курса сильной социальной политики в условиях введения странами Запада антироссийских санкций и предлагает параметры новой модели социальной политики, в большей мере соответствующей сегодняшним реалиям.*

Ключевые слова: *социальная политика, социальная справедливость, коэффициент Джини, приоритетные национальные проекты, антироссийские санкции, модель*

Многочисленные проблемы и вызовы, с которыми сталкивается Россия на современном этапе, остро ставят вопрос о необходимости осмысления основ проводимой в стране социальной политики. Этот вопрос обретает особую актуальность в условиях западных санкций, а также попыток изоляции РФ от «цивилизованного мира».

Одной из таких основ, без опоры на которую отечественная социальная политика не сможет достичь положительного эффекта, является идея социальной справедливости. В российских реалиях данная категория, по сути, должна быть фундаментом для осуществления любого масштабного социального проекта, морально-нравственным ориентиром общества. Не удивительно, что большинство политических сил, особенно в период выборов, объявляют в числе своих ключевых задач